

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР КАЛМЫЦКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Шейн Олег Васильевич, депутат

Астраханская областная дума
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Советская, 13

Во времена Советского Союза вопрос о коллаборационизме в период Великой Отечественной войны всячески замалчивался, а депортация народов объяснялась деформациями социализма. Очевидно, что такой подход мог применяться только в условиях запрета на историческую дискуссию, поскольку не предполагал глубокого изучения самого явления и исследования предшествующих ему событий. Напротив, 1990-е гг. породили множество спекуляций, крайне выгодных с точки зрения увеличения тиражей и объемов продаж, но формирующих межнациональные конфликты и межэтническую напряженность. Параллельно с этим отрицание советской государственной системы стало причиной иного явления – героизации коллаборационистов, якобы защищавших свободу и национальное достоинство от сталинской / советской / русской тирании. Одной из наименее исследованных страниц в истории остается судьба калмыцкого народа во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: депортация, коллаборационизм, немецко-фашистская оккупация, политические репрессии, Великая Отечественная война

HISTORICAL CHOICE OF THE KALMYK PEOPLE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Shein Oleg V., Deputy

Astrakhan Region Duma
13 Sovietskaya st., Astrakhan, 414056, Russia

The article discusses the problem of Kalmyk people's deportation. In Soviet historiographies this subject was a little studied. The Soviet authorities didn't allow extensive discussion on this problem. The reasons of the collaboration in the Great Patriotic War period weren't studied also. After 1991 many researches on this problem began printed, many of its has provocative character. Authors didn't study the collaboration reasons, they both condemned or supported its. It results its come to interethnic intensity and the international conflicts. The author considers that the reasons of the collaboration were political, social-economic, national and religions factors. In spite of the Soviet authorities adopted a unreasoned policy, many of the Kalmyk people gave his life as a sacrifice for his country.

Keywords: deportation, collaboration, German-fascist occupancy, political repression, the Great Patriotic War

Оккупация Калмыкии в период Великой Отечественной войны была явлением относительно непродолжительным. Она продлилась всего 4,5 месяца. Но последствия ее переживаются до настоящего времени. Обвинения в коллаборационизме послужили причиной депортации калмыцкого народа в Сибирь и Казахстан и наложили глубочайший отпечаток на всю историю калмыков, сравнимый по своим разрушительным масштабам разве что с уходом хана Убуши в Джунгарию в период царствования Екатерины II.

Что же позволило подозрительному к обвинениям в шпионаже и предательстве советскому руководству осуществить такой шаг? Насколько эти обвинения были оправданы? Как согласовывалась немецкая оккупационная практика с теорией о высшей расе? В чем были особенности этой практики в республике и можно ли говорить о ее продуктивности?

На протяжении нескольких сот лет калмыки активно привлекались к государственной военной службе. Во время войны с Наполеоном они участвовали в зарубежном походе русской армии и даже дошли до Парижа. С 1679 г. в казачество стали принимать крещеных калмыков, а затем и лиц буддистского вероисповедания. Впол-

не естественно, что в этих условиях в период гражданской войны часть калмыков активно участвовала в боевых действиях на стороне белых, отрицательно восприняв революцию. Часть из них затем эмигрировала, в том числе в Германию, а часть осталась проживать в междуречье Дона и Волги.

4 ноября 1920 г. М.И. Калинин и В.И. Ленин подписали Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об организации автономной области калмыцкого трудового народа. В 1928–1935 гг. Калмыцкая область входила в состав Нижне-Волжского края. Сюда же в 1922–1925 гг. переселили донских калмыков. Как и любое переселение, оно не доставило власти популярности. В 1935 г. область была преобразована в автономную республику. В ней проживало 220 тысяч человек, но лишь часть населения была калмыками. Калмыков, по переписи, в Советском Союзе накануне войны жило 134.327 человек, из них не менее четверти в Ростовской области [3, с. 22, 26, 50, 71].

Советская власть вела активную культурную политику, в первую очередь, направленную на ликвидацию неграмотности. Все это сопровождалось управленческой чехардой с алфавитом. Он был переведен с латиницы на кириллицу, но при этом за два десятилетия менялся четыре раза. Понятно, что это формировало трудности с обучением и последующим применением полученных знаний.

Особым образом развивалось дело с церковью. В 1926 г. советские власти сняли с поста главу калмыцких буддистов, Бахши Чимида Балсанова. Высокие индивидуальные налоги для лам и аресты значительно сократили число жителей монастырей. В 1929 г. развернулась активная антибуддистская пропаганда, которая достигла пика в 1937 г., когда были репрессированы сотни лам. В годы принудительной коллективизации (1930-е гг.) храмы опустошались и сравнивались с землей, пока не осталось ни одного. Практически ничего не осталось и из ритуальных принадлежностей. Отряды Коммунистического Союза Молодёжи – Комсомола и «Союза воинствующих безбожников» ходили по домам и юртам, отбирая и уничтожая все ритуальные принадлежности, буддийские тексты и статуи. Это вызывало очень острую реакцию среди части общества, вылившуюся в том числе в восстание 1930 г. в Малодербетовском улусе [1, с. 160].

Не стоит забывать и о коллективизации, означавшей в местных условиях обобществление скота.

Практика обоседления калмыков, проводившаяся ускоренными темпами, к началу войны, очевидно, не могла достичь полных результатов и уж тем более сформировать новую культуру жизни. В 1932 г. даже по официальным данным 48% калмыков вели кочевой образ жизни, что весьма характеризует социальную ситуацию в области.

Столицей территории была Элиста (Степной). К началу войны она уже представляла собой пусть небольшой, но город. В нем жило 13,6 тыс. человек, располагалось порядка 60 небольших предприятий [15, 17]. Остальные поселения являли собой или деревни европейцев – русских, украинцев, немцев, эстонцев – или группы саманных хижин, то есть глиняных домиков.

Бесспорно, переход к оседлости, предоставление образования, антирелигиозная практика создавали новый стиль жизни и не могли не приветствоваться молодым поколением, желавшим вырваться из рутины монотонного выпаса скота. Но ускоренный слом традиционных устоев был первопричиной недовольства в другой части общества, которая теряла все привычные ориентиры.

С началом Великой Отечественной войны из числа жителей Калмыкии были сформированы 110-я и 111-я кавалерийские дивизии (КД) общей численностью 7000 сабель. Мобилизационные ресурсы республики были небольшими – к 1 октября 1941 г. на учете в военкомате состоял всего 8241 калмык 1901–1921 годов рождения, призывной контингент 1922–1924 гг. составлял еще около 5207 человек, но часть этих людей уже были призваны в армию [12, с. 59, 87].

12 марта 1942 г. 111-я КД была расформирована, так как командование резонно пришло к выводу, что роль кавалерии в войне является несущественной. 2000 кал-

мыков были переданы в 15-й запасной кп, еще 657 – в 110-й КД, а 1500 русских распределены по другим частям [12, с. 59, 87].

В общей сложности, к началу марта 1942 г. в ряды РККА было призвано более 20000 человек [12, с. 59, 87].

Боевой дух 110-й КД к августу 1942 г. снизился, в первую очередь, по причине больших потерь. В мае в дивизии насчитывалось 4625 человек, включая тыловые части, то есть это было сравнительно небольшое формирование. Дивизия входила в состав 51-й Армии, и, прикрывая отступление основных сил фронта, в период с 16 по 27 июля понесла большие жертвы в районе от станицы Богаевской до станицы Семикаракорской: убито – 600, ранено – 700, пропали без вести 200 человек. Таким образом, в ходе боев 110-я кд потеряла около трети личного состава убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Еще треть бойцов отстала от основных сил дивизии и рассеялась по всему Северному Кавказу от Моздока до Астрахани.

Эти события изрядно подорвали моральный дух местных жителей. Вдобавок советская администрация, осуществляя тактику выжженной земли, начала угонять скот за Волгу. Советские чиновники, видимо, ожидали, что кочевой калмыцкий народ уйдет через Замьяны и Астрахань в заволжские степи, но этого не произошло. Правда, на территорию Астраханского округа было целенаправленно выведено 5554 военнообязанных 1892–1925 гг. рождения и 20000 гражданских лиц [12, с. 59, 87]. Затем из Астрахани эвакуированных людей направили в Актюбинск, Алма-Ату и другие местности Центральной Азии.

Начштаба Калмыцкого кавкорпуса вермахта Д. Арбаков, избежавший репатриации и после войны осевший в США, так описывал это время: «В течение семи тяжелых боевых дней командование 51-й Армии Южного фронта не оказывало помощи ОККД ни одним танком, ни одним самолетом. Мы были обречены на гибель. Плюс выгон скота из республики, голод родителей никак не настраивал солдат вести героическую борьбу. Тысяча бойцов вернулась в республику. В июле–августе скот из Ставрополя, Краснодарского края, Ростовской области уже стали выгонять за Волгу. Вернувшиеся солдаты 110-й начали отбирать этот скот и кормить семьи. Там и тут возникли до ста различных группировок из 15–20 человек, которые отбирали скот соседних областей и кормили народ. Советы их называли бандитами. К приходу немцев уже существовали кавалерийские отряды – кормильцы народа» [7].

Первые антиправительственные группы проявились в Калмыкии уже в конце 1941 г. Минимум пять таких отрядов действовали в степи, захватывая скот и причиняя неприятности советской администрации. Арбаков говорит, что летом 1942 г. в них входило до 1500–2000 человек, а общее число групп достигло 100.

Действительно, первые вооруженные группы, совершавшие налеты на склады и тыловые подразделения, появились в степи еще до прихода немцев. Командир отделения 1-го сводного полка Астраханского военного пулеметного училища Михаил Семигласов описал, что первый бой принял против такого отряда еще в начале августа. Бой состоялся у курортного местечка Тинаки, расположенного практически в Астрахани, в 350 км от ближайшего немецкого военного дозора: «За спиной в 400–500 метрах невооруженный полк, штаб дивизии. Отделение не успело сменить капризные винтовки-полуавтоматы, СВП, но всем было выдано по 5 патронов, а на ручной пулемет два заряженных диска. Перед рассветом часовой курсант Бракоренко сделал выстрел, затвор винтовки заело. Я спал рядом с пулеметом. Вскочил. Он говорит: “Ползут!”. Не верилось, что надо вести бой. Но я моментально поставил на пулемет диск и открыл огонь. Куда – в темноте не вижу. Даю отдельную команду: “К бою!”, “Огонь!”. Сам в считанные секунды выпустил весь диск. Ставлю второй, последний. Бью короткими очередями, как учили. Когда начался рассвет, вблизи окопов обнаружили убитых. Все оказались бандитами, к нашему счастью, не из регулярных войск» [11, с. 338].

Вновь процитируем Арбакова: «Калмыцкая республика своими силами строила шоссейную дорогу Элиста – Дивное протяженностью почти в 100 км, и вся респуб-

лика выставила своих рабочих и транспорт, техники не было никакой. Это тоже подорвало экономику республики. К осени 1940 г. половина урожая не была собрана, и скот остался без корма. Мало того, осенью 1941 калмыков направили на Дон, чтобы они приняли участие в строительстве оборонительной системы Дона. Это был напрасный труд, так как левый берег Дона – луговой, супесчано-глинистый. Сегодня вынешь песок, а на завтра – провалы. Взрослое население примерно три месяца продолжало эти работы. Мало того, Москва силами калмыков решила построить новую стратегическую железную дорогу Кизляр - Астрахань, 150 км по калмыцкой территории. И опять население своими примитивными силами строило эту дорогу. Мало того, по государственным поставкам забирали кожу, мясо, шерсть. Зная это, Ока Городовиков не должен был выдвигать идею организации двух калмыцких дивизий. Теперь нам ясно, что это была великодержавная политика Советского правительства. Но это стало понятно только после трагедии 1943 г.» [7].

Тема скота, затронутая Арбаковым, в скотоводческой Калмыкии была ключевой. Иных источников существования у населения не было. 29 июля 1941 г. Совнарком Калмыкии принял первое из последующей серии решений об эвакуации всего скота – 1,45 млн. голов – за Волгу. Реально удалось переправить лишь 557 тыс. голов, еще 90 тысяч было забито или передано военным, 62 тысячи голов пали по дороге [6, с. 66, 87]. Эвакуация была совершенно не организована, отсутствовал надлежащий учет, не было кормов, маршруты передвижения были слабо продуманы, что вело к большому грабежу и злоупотреблениям.

Все эти обстоятельства усилили общий негативный фон в Калмыкии.

В августе 1942 г. элитная 16-я моторизованная дивизия вермахта заняла большую часть территории Калмыкии. Фронт застыл у пос. Хулхута в 140 км от Астрахани. Севернее и южнее на протяжении нескольких сот километров фронта не было. Здесь шла маневренная война между боевыми дозорами, опиравшимися на небольшие степные базы.

К лету 1942 г. оккупационная политика гитлеровской Германии стала более прагматичной. Лозунг о превосходстве белой расы после вступления в мировую войну Японии, очевидно, противоречил всей реальной внешнеполитической линии Берлина. Рейх стремился привлечь к сотрудничеству любых врагов своих врагов. Наиболее яркими примерами стали антибританское восстание в Ираке, встреча Великого муфтия аль-Хусейни и Гитлера в Берлине и создание легиона СС «Свободная Индия» при активной помощи одного из лидеров индийского национально-освободительного движения Субхас Чандра Боса.

Были мобилизованы и все возможности для привлечения симпатий кавказских, тюркских и калмыцкого народов.

В Берлине ведомство д-ра Йозефа Геббельса организовало выпуск калмыцкой газеты. В редакцию были привлечены белоэмигранты во главе с Шамбой Балиновым. Часть из них поступила на Потсдамские курсы диверсионной войны.

После перехода 16-й моторизованной дивизией оз. Маныч-Гудило соединению были приданы два специалиста по восточным народам: барон фон Рихтгофен, профессор, и штабной офицер Генштаба Хальтерман. Но настоящей находкой немецких спецслужб стал Отто Рудольфович Верба, взявший псевдоним Отто Долл. Этот человек родился в Судетах, поэтому все детство и юность провел среди славян. Он сражался в войсках Франца-Иосифа II, а после крушения двуединой монархии оказался на территории Украины и был прикомандирован к штабу Симона Петлюры. После войны Отто Верба занялся коммерцией, побывал архитектором, и, приняв германское гражданство, два года проработал в немецком консульстве в Одессе.

11 августа 1942 г. ставший Отто Доллом разведчик поселился в окрестностях Элисты в качестве зоотехника. Он быстро наладил контакты с местным населением, определяя потенциальных помощников, уточнил картографию пустынной местности, четко обозначил на схеме источники пресной воды. В сопровождении лишь водителя и радиста Отто Долл объездил почти всю оккупированную территорию Калмыкии.

Он смог установить добрые отношения с лидерами общественного мнения, заставил немецкую администрацию открыть приемные, в которые местное население могло обращаться по своим проблемам, начал восстанавливать хурулы, и «заставил богатых калмыков кормить бедных калмыков, и, таким образом, добился глубокого уважения со стороны бедных кругов».

Хурулы, в частности, были открыты в Элисте, Яшкуле, Ики-Буруле, Бага-Чоносе. Немцы активно использовали схожесть между свастикой и буддистским знаком «Очирвани». Геллонги и иные священнослужители не получали от немецкой администрации вознаграждения, но сам факт возрождения хурулов немцы активно применяли в пропаганде [1, с. 185].

В ряде случаев немцам удалось привлечь на свою сторону бывших советских чиновников – беспринципных карьеристов, по ошибке пришедших к выводу, что власть окончательно сменилась. В Кетченеровском районе отказались эвакуироваться 11 из 14 председателей колхозов и 7 из 10 секретарей первичек ВКП(б). Уже после освобождения Калмыкии с немцами ушли 21 председатель колхоза, 9 председателей сельсоветов, один секретарь партячейки. Пять председателей колхозов, четыре председателя сельсоветов и 10 секретарей парторганизаций присоединились к бандам [6, с. 90].

В сжатые сроки немцами организовано «местное самоуправление» и без особых проверок роздано оружие пришедшим в комендатуру добровольцам. В течение недели было сформировано два эскадрона общей численностью в 200 сабель. Командиром этого соединения стал яшкулец Басанг Огдонов, с которым доктор Долл быстро сошелся. Огдонов неоднократно брал призы на скачках, и оказался весьма ценен для немцев в качестве командира летучих групп.

К ноябрю их насчитывалось четыре, а в январе 1943 г. – десять. К эскадронам было придано 15 офицеров. Формирование осуществлялось путем рекрутирования действовавших в степи вольных стрелков, а также проведенной в сентябре мобилизации [2, с. 135].

Если мобильные отряды формировались по этническому принципу, то полицейские части и служащие управ комплектовались из лиц любых национальностей, исключая, понятно, евреев. Так, руководство Элистинской городской управой было доверено двум головам – украинцу Н. Трубе и калмыку Б. Цуглинову, а полицейское управление Элисты было сформировано преимущественно из русских – из 170 полицейцев только семь были калмыками [8, с. 184].

Два раза в неделю начала издаваться газета «Свободная земля». В общей сложности, было выпущено 50 номеров. Кроме того, издавалась газета «Степной орел». Газеты курировал Хальтерман, возглавивший разведку 16-й МД.

На захваченной немцами территории оказались 94 из 128 сельских и поселковых советов со 115 к/х из 176, 10 с/х из 13, 14 МТС из 17. В этих хозяйствах, на оккупированной территории осталось значительное количество скота, овец свыше 700 тыс. голов, КРС – свыше 60 тыс. голов. За время кратковременной оккупации, немцы успели вывезти в Германию и употребить на питание солдат около 600 тыс. голов скота республики [8, с. 126–133].

На оккупированной территории у населения находилось: КРС – 41400 голов (54 % от всей численности), овец – 34000 (49,6 %), лошадей – 120 (5 %), верблюдов – 225 (52 %). Только из Кетченеровского улуса немцы забрали на продовольствие общественного и индивидуального: КРС – 3628 голов, овец – 51766, лошадей – 1300, верблюдов – 152, свиней – 1452, птицы – 7500 шт.; Сарпинского: КРС – 1938 голов, овец – 40377, лошадей – 2000, верблюдов – 135, свиней – 1164; Малодербетовского улуса: коров – 4103, овец – 6686, лошадей – 56, свиней – 778, птицы – 19142 шт. [8, с. 126–133].

В Садовом, где жили в основном русские, дело выглядело так:

«Мне шесть лет было, когда война началась. Конечно, в силу возраста я не могла понять, что это такое, и скромный быт нашего дома вряд ли чем отличался от довоенного: голод – вечный спутник ребятишек того поколения.

Немцы вошли в село Садовое – а жили мы в то время в Калмыкии – летом сорок второго. Помню, мы спрятались в подвал, когда они становились на квартиры. Не автоматов страшились, не гранат, боялись самих фашистов – ведь взрослые говорили, что они с рогами.

В скромной нашей хатенке поселились семеро немецких солдат. Видимо, статус их был невелик, потому что другие немцы жили в больших домах и по два-три человека. По соседству, в доме полицая, расположились важные чины. Они-то в основном и обижали местное население. Расстрелов, правда, не было, но последний кусок хлеба отбирали – это точно.

Нас, детишек, шестеро было, младшая, Рая еще в люльке. Бывало, напечет мама лепешек, мы сидим и слюнки глотаем, тут зайвится толстомордый офицер, сграбастает все прямо из печи, мерзко так захохочет и убежит, обжигаясь хлебами» [18].

В какой-то степени немцы пытались поддерживать работу местной малой промышленности. Одно из предприятий Элисты, например, обеспечивало 16-ю МД валенками. Объем производства составлял 50 пар в день.

В Элисте за 4,5 месяца гестаповцы совместно с полицией (начальник Курахтонов) расстреляли, по советским оценкам, около 750 человек, в Яшалтинском улусе (комендант Миллер) – 130, Западном – 79, Приютненском – 30 комсомольцев. В Троицком улусе 10 сентября 1942 г. по приказу коменданта Белька в ходе массовой экзекуции было расстреляно 27 человек [8, с. 191].

Современные исследователи оценивают число жертв холокоста в Калмыкии в 445 человек, в том числе 320 человек, эвакуированных из западных районов страны и убитых румынами в Малодербетовском районе [14, с. 183]. Но террор затронул не только евреев. В Яшалтинском улусе из 130 расстрелянных людей евреев было лишь 14, в Элисте из 747 погибших евреев оказалось 26, а среди остальных преобладали русские и калмыки. В целом за полгода оккупации в маленькой республике было убито до 2000 мирных жителей.

Практиковалось взятие заложников. Так, в Сарпинском районе под арестом постоянно находилось 60 человек. В случае гибели немецких и румынских солдат, порчи военного имущества и особенно линий связи они подвергались угрозе расстрела [9].

Порядка 1600 человек подверглись телесному наказанию. Скорее всего, это число намного выше, так как в справке Калмыцкого обкома ВКП(б), где приводится эта цифра, указано, что только в Сарпинском районе избиения и пытки перенесли 1213 человек [10].

Часть жителей Малодербетовского района немцы даже успели угнать на работу в Германию.

По оценкам самих коллаборационистов, политический водораздел в Калмыкии прошел по возрастному принципу. В октябре 1942 г. Элисту посетили члены Калмыцкого национального комитета Ш. Балинов и С. Балданов, прилетевшие специальным самолетом из Берлина. В своем отчете о командировке в ведомство А. Розенберга Балинов писал:

«По вопросу об отношении к советской власти, к большевистскому режиму калмыки делятся на две неравные части: а) старое поколение, примерно, люди старше 35 лет, почти без исключения резко антибольшевистски настроено, б) младшее поколение такой резкой вражды к советской власти не имеет, а в некоторой своей части ей даже сочувствует. Понятно, это сочувствие теперь открыто не выражается. Разумеется, есть, конечно, среди калмыков небольшой процент убежденных коммунистов, действующих активно. Они ушли с советской властью и там работают».

В ноябре 1942 г. Красная армия перешла в контрнаступление. К январю 1943 г. от захватчиков была очищена Калмыкия, а к марту – и районы Ростовской области, в которых также проживали калмыки.

Вместе с немцами ушло до 10000 гражданских лиц и 15 эскадронов «Калмыцкого корпуса». Вряд ли можно говорить более чем о 2000 вооруженных лиц, включая службы снабжения и тыла. Осенью 1943 г. в корпус были мобилизованы набранные в лагерях для военнопленных казахи, киргизы и буряты, а также некоторое число кал-

мыков. Это позволило довести численность корпуса до 33 эскадронов и 3500 человек строевого состава. Вместе с гражданским персоналом численность ККК составляла 4000–4300 человек.

В момент отступления немецких войск на территории Калмыкии оставалось еще пять «эскадронов» Калмкорпуса, однако интенсивных боевых действий они не проводили. В 1943 г. на территории Калмыцкой АССР было зарегистрировано 16 случаев бандпроявлений: одно нападение на советского работника, шесть – на красноармейцев и девять налетов на колхозы и совхозы [13, с. 357]. За это же время, по отчетам НКВД, было ликвидировано 23 банды общей численностью 1134 человека, так что КПД «степных братьев» был явно невысок. В 1944 г. было отражено несколько попыток проникновения диверсантов, десантировавшихся посадочным способом в районе Утты – всего обезврежено 46 агентов, включая как немцев, так и калмыков, а в 1944 годах уничтожены три последние боевые группы калмыцкого пронацистского подполья общей численностью 15 человек [4, 5].

Последним был убит Басанг Огдонов. 16 октября 1945 г. он в одиночку приехал на кошару совхоза Улан Малч (Арзгирский район Ставропольского края), где потребовал у чабанов лошадь и оружие. Чабаны ранили Огдонова. Избегая плена, тот покончил жизнь самоубийством.

В описываемое время в Советской армии служило 4105 калмыков [13, с. 219]. В данное число входят лишь те, кто был изъят из армии и отправлен в лагеря после принятия решения о депортации калмыцкого народа. Следует отметить, что несколько сот калмыков после этого, скрывая свою национальность, продолжали воевать в рядах Красной армии.

Таким образом, мнение о том, что большинство калмыков перешло на сторону Гитлера, противоречат историческим фактам. Обратимся к статистике. В составе советской армии служило, по оценке У.Б. Очирова, 37.000 уроженцев республики, хотя, надо отметить, что в это число входят и славяне [12, с. 62]. Учитывая, что 22 жителя Калмыкии были удостоены звания Героя Советского Союза, и из их числа было 10 калмыков, можно предположить, что в Советской армии служило примерно 15–16 тыс. этнических калмыков, то есть вчетверо больше, чем в Калмыцком кавкорпусе вермахта.

Более того, и это стоит подчеркнуть особо, до 1500 советских солдат и офицеров калмыцкой национальности, оказавшихся в немецком плену, отказались перейти на сторону Гитлера. Это был своего рода подвиг, если учесть смертность среди советских пленных в немецких лагерях.

Таким образом, оккупационная политика гитлеровцев на территории Калмыкии, принесла некоторые плоды в виде мобилизации антисоветски и карьеристки настроенных элементов. Реализации этой политики способствовали объективные факторы – стремительная ломка традиционного образа жизни, часто сопровождавшаяся злоупотреблениями. Немногочисленность 16-й моторизованной дивизии, вынужденной патрулировать большие пространства, практический опыт предыдущего года и, особенно, неудачи в период зимней кампании, вынуждали оккупационное командование искать способы минимизации недовольства, адресуя репрессивную практику евреям и коммунистически настроенным лицам.

Однако в целом поставленные задачи достигнуты не были. Дезертирства из калмыцких частей, не считая объясняемого распыления в ходе отступления на Дону, не произошло. Больше того, уроженцы Калмыкии стойко сражались на протяжении всей войны, дав стране немало Героев Советского Союза и орденоносцев. Жители оккупированной части Калмыкии также не проявили антипатриотических настроений, а бегство относительно небольшой части гражданского населения зимой 1942/1943 года длилось относительно недолго, и в течение нескольких месяцев 95 % бежавших вернулись домой.

Список литературы

1. Басхаев А. Н. Буддистская церковь в Калмыкии, 1900–1943 гг. / А. Н. Басхаев. – Элиста : Джангар, 2007. – 240 с.
2. Басхаев А. Н. Германская оккупация части территории Калмыкии / А. Н. Басхаев // Великая Отечественная война. События, люди, история. – Элиста, 2001
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – Москва, 1999.
4. Государственный архив РФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 274.
5. Государственный архив РФ. – Ф. 9478. Оп. 1. Д. 543.
6. Гладкова С. А. Организация эвакуации людских и материальных ресурсов / С. А. Гладкова / Великая Отечественная война. События, люди, история. – Элиста, 2001.
7. Гучинова Э. Б. Нация и дискурс вины: примирение с прошлым в памяти калмыков / Э. Б. Гучинова. – Режим доступа: <http://www.dni.com.ua/news108808.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Максимов К. Н. Великая отечественная война. Калмыкия и калмыки / К. Н. Максимов. – М., 2007.
9. Национальный архив Республики Калмыкия. – Ф. р-1, оп. 3, д. 839. л.д. 114–119.
10. Национальный архив Республики Калмыкия. – Ф. р-1, оп. 3, д. 844, л. 8.
11. Опаленные Волгой. – Самара, 2002.
12. Очиров У. Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР / У. Б. Очиров / Великая Отечественная война.
13. Сеницын Ф. За русский народ: национальный вопрос в Великой Отечественной войне / Ф. Сеницын. – М., 2010.
14. Таранец С. Д. Численность жертв холокоста на территории Калмыкии / С. Д. Таранец / Великая Отечественная война. События, люди, история. – Элиста, 2001.
15. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D%D%EB%E8%F1%F2%E0>
16. <http://www.dni.com.ua/news108808.html>
17. <http://www.history08.ru/bez-rubriki/2>
18. <http://www.stpravda.ru/projects/history/pobeda/41.shtml>

References

1. Bashaev A. N. Buddistskaja cerkov' v Kalmykii, 1900-1943/ A. N. Bashaev. – Jelista, 2007.
2. Bashaev A. N. Germanskaja okkupacija chasti territorii Kalmykii/A. N. Bashaev/ Velikaja Otechestvennaja vojna. Sobytija, ljudi, istorija. - Jelista, 2001.
3. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 g. Osnovnye itogi. – Moskva, 1999.
4. GARF, fond 9478, op. 1, d. 274.
5. GARF, fond 9478, op. 1, d. 543.
6. Gladkova S. A. Organizacija jevakuacii ljudskih i material'nyh resursov/S. A. Gladkova/ Velikaja Otechestvennaja vojna. Sobytija, ljudi, istorija. - Jelista, 2001.
7. Guchinova Je. B. Nacija i diskurs viny: primirenje s proshlym v pamjati kalmykov - <http://www.dni.com.ua/news108808.html>.
8. Maksimov K. N. Velikaja otechestvennaja vojna, Kalmykija i kalmyki/ K. N. Maksimov. - Moskva, 2007.
9. NA RK, f. R-1, op. 3, d. 839, l.d. 114-119.
10. NA RK, f. R-1, op. 3, d. 844, l. 8.
11. Opalennye Volgoj. - Samara, 2002.
12. Ochirov U. B. Voennye mobilizacii v Kalmyckoj ASSR/U.B.Ochirov/ Velikaja Otechestvennaja vojna.
13. Sinicyn F. Za russkij narod: nacional'nyj vopros v Velikoj Otechestvennoj vojne/ F. Sinicyn. – Moskva, 2010.
14. Taranec S.D. Chislennost' zhertv holokosta na territorii Kalmykii / S. D. Taranec // Velikaja Otechestvennaja vojna. Sobytija, ljudi, istorija. – Jelista, 2001.
15. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D%D%EB%E8%F1%F2%E0>
16. <http://www.dni.com.ua/news108808.html>
17. <http://www.history08.ru/bez-rubriki/2>
18. <http://www.stpravda.ru/projects/history/pobeda/41.shtml>